

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Просвещение и предательство Просвещения в 21-м веке

Initiative Sozialistisches Forum

2006

*«Всё в мире видится им отвратительным, пустым
и безрадостным — они прозёвывают свои жизни.
Они тоскуют по Ничто, и всё же боятся смерти».*
Поль Лафарг, Религия капитала, 1890

Просвещение потерпело неудачу. В противном случае, возникшая недавно в Афганистане идея обследовать христиан на вменяемость, была бы совершенно разумна — если бы она, помимо прочего, не исходила от мусульман. Мусульмане обследуют христиан на предмет здравого рассудка — дикость из инструкций к мультикультурализму, которая всё-таки смогла создать видимость идеи-фикс о «диалоге культур», о равенстве в безумии и репрессивной терпимости при коллективной утрате всяческой правды. О чём в этом диалоге должна была бы идти речь, было бы даже не то, каково это — быть атеистом и отводить во-

Initiative Sozialistisches Forum
Просвещение и предательство Просвещения в 21-м веке
2006

Скопировано 09.12.2020 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=1475>
Перевод с немецкого.

ru.theanarchistlibrary.org

просу о существовании бога, в лучшем случае, значимость вопроса о том, что сегодня будет на завтрак.

Просвещение провалилось уже давно и повелось на уловку своего самого упорного врага, собственно, религии, а также «культуры», когда оно суммировало, согласно их самопониманию, общий фундамент всех религий под понятием «веры». Но верить можно, например, только в то, что солнце взойдёт и завтра; вера, являющаяся разумной, предполагает знание о самых основаниях человеческого существования. В то же, что существует бог, гарантирующий синтез человека с природой и создающий из себя всё сущее, «верить» никак нельзя: это утверждение всегда было ни чем иным как наглой ложью, считать которую правдой требовалось от индивидов, если они не хотели быть исключёнными из социума и погибнуть.

Вместо того, чтобы окончательно расправиться с ложью о существовании некоего бога, благодаря краху Просвещения в синтетезированном капиталом обществе на место бога смогло взгромоздиться взаимное признание бреда оппонента, уважение к аутентичности его чувств и глубине ощущений. То, что эти фантазии признаются действительно и на полном серьёзе, издавна должно было служить признаком их верности и правдивости — это стало посланием Просвещения, а даже не то, ставшее посредством Просвещения хотя бы мыслимым и явным в своих началах понимание, что это сам человек создаёт себе нелогичную, хотя и глубоко коренящуюся в его чувствах, чистую абстракцию. Немецкой идеологии выпала при этом особая роль: перевернуть этот крах Просвещения в позитивное, т.е. идеальное состояние — как пример можно рассматривать Готхольда Эфраима Лессинга и его мудрого Натана.

Так, Лессинг говорит устами еврея Натана христианину: «Народ мой презирайте как угодно. / Ни ваш народ, ни мой не нами выбран. / Мы – не народы наши. Что — народ?

/ При чем он здесь? Еврей и христианин – / Не люди ли сперва, а уж потом / Еврей и христианин? Ах, когда бы / Мне удалось найти в вас человека, / Хоть одного найти еще, который / Довольствовался б тем, что человеком / Зовется он!» Натан готов, следуя мессионизму иудаизма (которое, как, например, показывает Ханна Арендт, в сущности — и в противоположность всем остальным, является «религией разума»), поставить религию в зависимость от случайности рождения, т.е. защиты и рационализации, наследственности и ранней детской социализации. Его аргументация ставит нужду, а не «веру», во главу угла, она соответствует критериям разума и реальности. Но ему, еврею, срывают все планы; притча с кольцом не работает. Патриарх говорит: «Нет разницы! Он должен быть сожжён». Т.к.: «...как опасно / Безверие для государства даже! / Чуть веровать не станет человек, / Расторгнутые, разрушатся все узы / Гражданские!»

Вопросы Натана затрагивают религиозно-историческую правду, но Лессинг превращает их при помощи ответа Патриарха в и сегодня ещё актуальную ложь, ложь подвигнувшую Жана Амери воззвать именно левых взглянуть этой правде в лицо: «Я совершенно серьёзно считаю, что левые должны переформулировать себя вокруг израильского, id est, еврейского вопроса». Иудаизм отмечает зарождение западной монотеистической религии, начало, которое ещё отдаёт себе отчёт в том, что оно должно искать спасения в чистой абстракции, т.е. в божестве, т.к. иначе разумная, т.е. с исторической точки зрения: свободная от (чужой) власти организация (всечеловеческого) сообщества, не была возможной. Эта абстракция, которая станет ненужной, когда разум сможет проявить себя повсеместно, деградировала в католицизме и, ещё более явно, в исламе, до конкретной личности, до всемогущего и вечного правителя, против которого

живущий в индивидах разум оказывается бессильным. Благодаря этой регрессии индивид «спасён» от «неприятной необходимости» оправдывать свои мыслительные и эмоциональные конструкции перед собственным разумом. И уже только поэтому общность всех верующих (христиан, мусульман) должна была исключить из своих рядов помимо всех безбожников ещё и набожного еврея – в нём материализуется слишком много опасного для верующего сообщества разума. – Что на практике повторяется в особом положении Израиля среди прочих наций.

Но и при капитализме возникает нужда в какой угодно вере, которая упорно противостоит разуму, для того, чтобы и его власть (капитализма) смогла утвердиться навечно подобно божественной. И религия есть издавна любимое средство, т.к. она, это знал ещё Клеменс фон Метерних, является внутренней полицией мыслей. Высказывание – «Чуть веровать не станет человек, расторгнутые, рушатся все узы гражданские» – было главенствующим у немецкого патриота Лессинга, который хотя и отсылал в своей притче о кольце к ещё не обезоруженному государством, т.е. к французскому, Просвещению, но тем самым, одновременно радикально опроверг всю свою драму, – собственно, тем, что вера в бога, т.е. ложь, всё-таки должна была главенствовать над разумом. Также и государство капитала, т.е. опосредованная в обмене, организованная в нём (а не на основании личных отношений зависимости) насильственная власть человека над человеком, не может существовать без лжи, отрицающей конечность, смертность человека и возводящей её в безумие вечности. От старинных религий религиозность капитала отличает лишь то, что в принципе всё равно, какой бред конкретно выдаются за правду: девственность девы Марии при этом функционально эквивалентна девственницам, ожидающим исламистских мучеников в раю.

в лучшем случае просто довольствующийся тем, что его субъекты подтверждают его власть в мании покупок и избирательной урны — а в остальном, что касается религии и культуры, занимаются своими делами.

«Упразднение религии», т.е. «требование отказа от иллюзий о своём положении есть требование отказа о такого положения, которое нуждается в иллюзиях». Чем меньше индивиды готовы хотя бы не воспроизводить царящую необходимость лжи ещё и в себе самих как отказ от себя — что они делают, когда они с энтузиазмом соучаствуют в этой реальности из соображений необходимости выживания, т.е. не развивая при этом трагического сознания — тем вероятнее, что дело дойдёт не до коммунизма, а до самоупразднения капитала на его собственном основании. Диалог культур, возникающий в нём консенсус всех верующих мира, на данный момент выражающийся в политике умиротворения в отношении Ирана, является (помимо его геополитического безумия) завершённым предательством Просвещения и грозит вылиться в полную противоположность того, что Просвещение некогда обещало.

да, как акт самопорабощения и самоличное возвращение в безвыходное состояние несовершеннолетия. Просвещение сводило счёты, и по заслугам досталось в особенности «яду веры», исламу — например, у Вольтера. Его драма «Магомет» не только утверждает, что «предрассудки правят чернью», я «сомнение — уже преступление», но и целенаправленно показывает эту религиозную общину в виде банды, как сборище рэкетиров, отправившихся за податями. Религия, вообще, ложна, и, к тому же, всегда является грандиозным выманиванием денег. Но Аллах даже не это, он — ни что иное, как создание своего Пророка, виртуозно владеющего психологией рекламы и являющегося человеком власти: «А тех, что видеть, знать и размышлять хотят, — / Не стану я терпеть: в их душах бунт таится».

Кстати: сколь бы энергично это Просвещение ни воевало с религией, оно одновременно с этим потерпело поражение, т.к. оно, рассматривая религии только как больше не нужную, а тем более, объективную форму общественного бессознательного, подкармливало неизбежно ложное сознание капиталистического общества и не заметило, что и новый суверен, капитал, уже угнездился в головах в виде нового бога. «Капитализм нужно рассматривать как религию, т.е. капитализм, в сущности, служит удовлетворению тех же забот, страданий, беспокойства, на которые некогда отвечали религии». (Вальтер Беньямин) Критика религии осталась незавершённой. Хотя начало и было положено, ибо, по словам Карла Маркса, «критика религии есть предпосылка всяческой критики». Но в общественном плане этот тезис остался без своих последствий: превратить «критику религии в критику права», а «критику теологии в критику политики». На место богов заступили не индивиды, свободно определяющие нужный им общий фундамент безвластного общества, а капитал с его псевдо-религиозной аурой политического суверенитета,

В протестантстве, какой бы то ни было марки — англиканско-пуританском, кальвинистском или немецко-лютеранском, капитал хотя и попытался сконструировать себе свою собственную религиозность (т.е. Макс Вебер фундаментально ошибался, когда считал, что капитализм возник из духа протестантизма: всё было как раз наоборот), но исторически это идеологическое удвоение капитала в одной специфической религии оказалось излишним: эзотерик, научный позитивист, не критикующий государство и деньги атеист, онтологизирующий историю марксист — все они практикуют капиталистическую религиозность тем, что они поклоняются, якобы, не созданной ими самими, а следовательно, за которую они не могут и отвечать, реальности, под которую нужно только подстроиться. Этот онтологический рай, эта лживая трансцендентность означает радикальное искоренение всяческой индивидуальности. Кто верует в ложь воспроизводящего себя из себя самого бога, т.е. в автоматический субъект, и не уверен в том, что этой глупости исторически необходимо положить конец, тот подписал безусловную доверенность на ликвидацию своей индивидуальности.

Это роднит христианский Запад с мусульманской контрреволюцией — столь бы разными они ни были в историческом и теологическом плане и несмотря на общее происхождение (от иудейства): все «тоскуют по Ничто, и всё же боятся смерти», как говорил Лафарг. Подгоняемые паническим страхом, когда они считают, что могут избежать смерти, они избегают и жизни, и стремятся к чистой абстракции Ничто. (Хайдеггерианцы называют его «Бытием», позитивисты — «реальностью»). Или, что то же самое, растворяются в «дремотном состоянии массы» (Герман Брох). В любом случае, сочувствие к тем, кто стремится самоуничтожиться в джихаде, тотально:

террорист-самоубийца лишь радикально демонстрирует на практике, на что мы сами, с тех пор как союзники положили народному (национал-социалистическому) сообществу, к сожалению, лишь временный конец, больше не решались: подчинить свою волю к выживанию безумию уничтожения. И поэтому в «Общей Франкфуртской газете» от 4-го марта некий профессор исторических наук может заявлять в письме к редакции, что «Федеративной республике не достаёт культа павших». Так завершается предательство Просвещения в 21-м веке – собственно, тем, что и секулярное общество требует новой метафизики жертвы, т.к. – в этом уверен этот агент «новой и новейшей истории» – «в насильственной смерти ради политических целей заключается особый источник легитимации, возможно, наиважнейший». Тот, кому важен «культ смерти ради политических целей», тот будет лишь завидовать исламо-фашистам в том, как они готовы жертвовать собой ради Ничто. В любом случае, не удивительно, что «Мудрый Натан» Лессинга был самым популярным спектаклем в театральном сезоне 1945/46 – ведь немцам пришлось простить себя за смерть миллионов. Иначе говоря, выдать себе генеральную индульгенцию за их убийство как за что-то вроде небольшого недопонимания в диалоге вероисповеданий.

Диалог с исламом Германия (прекрасно понимая, что Немецкая идеология являет собой в отношении Просвещения тот же регресс, что и ислам в отношении католицизма в частности и иудейства в общем) всегда вёлся со страстью и таким прилежанием, что ещё нацисты построили для Великого муфтия из Иерусалима, т.е. именитого палестинского героя погромщиков, «Центральный институт ислама в Берлине», который среди прочего опубликовал в 1943-м свою немецкую интерпретацию Корана: еврейский народ, «который испокон веков мучил мир, есть враг

арабов и ислама с самого его зарождения. Священный Коран описывает эту старинную вражду такими словами – ‘Ты увидишь, что самые враждебно настроенные к верующим – это евреи. Они пытались отравить почитаемого Пророка, противились ему’...» и т.д. и т.п., из чего логичным образом следует, что «Германия сражается с общим врагом, угнетающим арабов и магометан. Она распознала евреев и решила найти окончательное решение еврейской угрозы». Не доводить просвещенческую критику религии до конца, что значит – за пределы атеизма и репрессивной терпимости, в Германии всегда имело определённую (гео-)политическую функцию, а иранский президент, разумеется, понимает, какое великодушное предложение он делает, когда обещает «мир без сионизма». Он знает это так же, как знал Винстон Черчилль, о чём он говорит, когда он ответил на вопрос, что написано в «Моей борьбе» Гитлера, что эта книга – что-то вроде «Корана для немцев». Фюрер играет роль исторического примера изначально заложенного в диалектике Просвещения процесса – найти для общности всех тех, кто обнаруживает в трансцендентности извращённой реальности свою «правду» (будь она религиозной, эзотерической или позитивистской), обязательное для всех и, одновременно с этим, персональное, харизматическое выражение, когда ложь в безумии уничтожения против требований капитализма становится правдой.

Там, где Просвещение принимало радикальные формы, т.е. во Франции, Вольтер, Дидеро, Гольбах и Мелье не умаляли психологически значения религиозных фантазий, не релятивировали их культурно-исторически, а тем более, не легитимировали их государственно-политически. Буржуазный порядок, философски воодушевившийся в Просвещении на революцию и на казнь короля, критиковал всякую веру как покушение на свободу человеческого ро-